

вѣсны безчисленныя формы, которыя живутъ цѣлые вѣка послѣ того, какъ обезцвѣтилось ихъ содержаніе. Немудрено, если съ такою прочностью держатся и религиозные обряды.

Священство, какъ спеціальное занятіе, стоитъ въ самой тѣсной связи съ обрядовою стороною религіи. Когда обряды значительно усложнились, какъ скоро въ этой области окрѣпли многочисленныя обычаи, то далеко не каждый можетъ услѣдить за ними и исполнять ихъ съ достаточнымъ искусствомъ. Нужно спеціальное воспитаніе, дабы быть въ постоянномъ общеніи съ Богомъ, близко знать полный сводъ словъ и пѣснопѣній, съ которыми обращаются къ Божеству и умоляютъ Его. Всѣ приемы, которыми пользуется духовенство, какъ посредникъ между людьми и Божествомъ, проникнуты однимъ и тѣмъ же началомъ: они какъ бы утверждаютъ, что обряды, во всѣхъ своихъ частностяхъ, имѣютъ высокое значеніе, что каждая формула, завѣщанная преданіемъ, кто бы ни пользовался ею, способна умоливать Божество. Наивныя средніе люди прилѣпляются къ обрядамъ, придаютъ имъ первостепенное значеніе, завѣщаютъ дѣтямъ результаты наблюденнаго и передуманнаго и тѣмъ облегчаютъ работу духовенства. Всѣ эти наблюденія и весь этотъ опытъ надѣляютъ его обильнымъ матеріаломъ; духовенству остается только привести его въ систему. Тѣмъ самымъ оно является не только регуляторомъ обрядовъ, но и ихъ хранителемъ. Вслѣдствіе этого, обрядовой стороною религіи обезпечивается еще большая прочность⁶⁷⁾.

Нельзя согласиться съ Толстымъ и въ томъ, что осложненіе религіи многочисленными обрядами и метафизическими толкованіями заставляетъ совсѣмъ забывать о завѣтахъ вѣроученій, которые должны руководить поведеніемъ людей. Конечно, средній человѣкъ находится во власти обрядовъ и, вообще, того, что не можетъ быть признано существомъ религіи. И добрыя дѣла, которыя совершаетъ такой средній человѣкъ, чаще являются чѣмъ то механическимъ, нежели выраженіемъ истинной склонности служить людямъ. Но каждая религія всегда имѣла немало послѣдователей, которые высоко цѣнили ея нравственные завѣты и считали именно ихъ наиболѣе важною составною частью вѣроученія. Это наблюдается и въ настоящее время, а потому глубоко не вѣрно замѣчаніе Толстого, будто изъ христіанства вывѣтрилось все, наиболѣе существенное. Безчисленныя свидѣтельства исторіи объ участіи, которое принимали въ дѣлахъ милосердія и Западная церковь, и Восточная. Не слѣдуетъ думать, что разнообраз-